

В.А. Теплов

**Русские представители в Царьграде
1496-1891**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Теплов**
Русские представители в Царьграде: 1496-1891 / В.А. Теплов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-518-07105-6

Исторический очерк.

ISBN 978-5-518-07105-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЪ ЦАРЬГРАДѢ.

1496—1891 гг.

Одна изъ первыхъ державъ, съ которою турки, утвердившіеся въ Константинополѣ, пожелали вступить въ сношенія, была Россія.

Уже Магометъ II, счастливый соперникъ Палеологовъ, вырвавшій изъ рукъ грековъ лучшую жемчужину византійской короны и сокрушившій самое ихъ царство, изъявлялъ желаніе, какъ о томъ пишетъ царь Іоаннъ III въ своей грамотѣ къ султану Баязиду II, «чтобъ между нами ходили послы здоровья нашего видѣть»¹⁾. Но желаніе это могло осуществиться лишь при преемникѣ и сынѣ завоевателя Царьграда—Баязидѣ II.

Первоначальныя сношенія между Москвою и Портою возникли на мирной почвѣ торговыхъ вопросовъ.

Русскіе гости (купцы) уже издавна вели оживленную торговлю съ Кафой (Θεοδοσίей), Азовомъ, Бруссою и Константинополемъ въ особенности съ того времени, какъ водный донской путь сталъ болѣе безопаснымъ отъ кочевниковъ Золотой и Ногайской орды.

Въ половинѣ XV вѣка турки стали твердою ногою въ Крыму на развалинахъ генуэзскихъ колоній, заняли Кафу и Азовъ, сдѣлавъ крымскаго хана данникомъ султана, что, въ свою очередь, не могло не привести ихъ въ общеніе съ сосѣдями крымцевъ—русскими.

Кромѣ вопросовъ сосѣдства и торговыхъ, къ сближенію съ Россією турокъ побуждали въ послѣдствіи и соображенія политическія—имъ было во всякомъ случаѣ выгоднѣе быть въ дружествен-

---

¹⁾ Собр. государств. грам. и догов. V. 22 и 23.

ныхъ отношеніяхъ съ московскимъ царемъ, врагомъ Литвы и Польши, всегдашнихъ участниковъ враждебныхъ коалицій западно-европейскихъ державъ противъ Оттоманской имперіи.

Къ сближенію съ Россією турки относились съ тѣмъ болѣею предупредительностью, что самая страна эта представлялась имъ не столь чуждою, какъ всѣ остальные государства Западной Европы: весь складъ жизни тогдашней Руси, обликъ и самое одѣяніе ея обитателей были туркамъ болѣе по сердцу, казались имъ болѣе своими, вызывали въ нихъ чувство пріязни къ сѣверному государству, тогда еще далеко не могущественному.

Въ 1445 г. турки задержали въ Аккерманѣ Бессарабскомъ дьяка Ѳедора Курицына, возвращавшагося отъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина. «И ко тому человѣку Ѳедору», пишетъ въ 1486 г. Іоаннъ III къ крымскому хану Менгли-Гирею, «говорили паши большіе, со словъ турецкаго султана, что султанъ хочетъ со мною дружбы; узнай же для меня, какой дружбы со мною хочетъ турецкій султанъ и дай знать мнѣ о томъ съ моимъ бояриномъ Симеономъ» (Борисовымъ) ¹⁾. Отвѣтъ на это письмо полученъ въ 1488 году. Менгли-Гирей писалъ: «Турецкаго султана слово таково: если великій князь тебѣ, Менгли-Гирею, другъ да братъ, то и я также хочу быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ, я же совѣтую брату моему великому князю, чтобы онъ послалъ своихъ пословъ къ турецкому султану» ²⁾. Въ заключеніе Менгли-Гирей передаетъ, что султанъ поручилъ ему освѣдомиться, по какому случаю рускіе купцы не ѣздятъ болѣе въ Кафу и Азовъ.

Въ своей отвѣтной грамотѣ къ Баязиду II Іоаннъ прямо высказываетъ, что не отпускаетъ купцовъ въ Кафу и Азовъ изъ-за притѣсненій и всяческихъ обидъ, чинимыхъ имъ въ этихъ городахъ, «чего прежде не бывало»,—вспоминаетъ о желаніи Магомета II о взаимной посылкѣ пословъ и проситъ отвѣтить ему по всѣмъ этимъ вопросамъ, приславъ свою грамоту.

Въ виду дружественныхъ заявленій Іоанна III, султанъ послалъ въ 1493 г. своего посла, но ему не удалось добраться до Москвы: въ Кіевѣ онъ былъ задержанъ по распоряженію великаго князя литовскаго, Александра, и вынужденъ былъ вернуться во свояси. Свой образъ дѣйствій литовскія власти объясняли такъ: «Предъ тѣмъ никогда такіе послы изъ Турціи чрезъ землю государя нашего (Александра) не хаживали, поэтому государь нашъ того посла велѣлъ вернуть до его государя, отколѣ пріѣхалъ, абы такіе послы нашихъ земель государскихъ не пересматривали». Очевидно, опасеніе соглядатайства со стороны турецкаго посла было лишь предлогомъ; истинною же причиною было нежеланіе Але-

¹⁾ Моск. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. Крымскія дѣла, № 1, стр. 111.

²⁾ Ibid., стр. 176.

ксандра, находившагося въ постоянной враждѣ съ Іоанномъ, пропустить въ Москву дружественное посольство столь могущественнаго султана ¹⁾.

Свѣдавъ о неудачномъ исходѣ перваго турецкаго посольства, Іоаннъ III рѣшилъ отправить въ Константинополь въ 1496 г. своимъ посломъ стольника Михаила Андреевича Плещеева другимъ путемъ, не только ради установленія взаимныхъ дружественныхъ сношеній но дабы, воспользовавшись благорасположеніемъ султана, выговорить прежде всего облегченія для русской торговли на черноморскомъ побережьѣ.

Въ наказѣ, данномъ Плещееву при выѣздѣ изъ Москвы, было, между прочимъ, сказано: «пришедши поклонъ править стоя, а на колѣни не садиться», «если будутъ у турецкаго султана отъ иныхъ государей послы, то ему (Плещееву) ни подъ которымъ посломъ не садиться» и, наконецъ, «посольскія рѣчи говорить самому султану, а отнюдь не папамъ».

Кромѣ самого Плещеева, въ составъ посольства входили: «посоль же» Константинъ Авксентьевъ, подъячій Радюка Должиковъ, сокольникъ Лука и толмачъ Кудашъ.

Въ Константинополь Плещеевъ былъ принятъ съ особымъ почетомъ; ему, по обычаю, прислали шубу и богатые дары, а паши пригласили на обѣдъ. Не знакомый съ обычаями турецкаго двора и проникнутый духомъ своего наказа и опасеніемъ, какъ бы не умалить достоинства посланшаго его государя, Плещеевъ отослалъ подарки назадъ, на обѣдъ не поѣхалъ, а посланцу отъ великаго визиря отвѣтилъ: «Мнѣ съ папами рѣчи нѣтъ, я пашино платье не вдѣваю и денегъ ихъ не хочу, — мнѣ съ султаномъ говорить».

Подобный тонъ рѣчей русскаго посла, составлявшій рѣзкую противоположность съ тѣмъ, къ которому приучили турокъ представители другихъ западныхъ державъ, вызвалъ неудовольствіе Баязида II. Султанъ повелѣлъ немедленно же послѣ аудіенціи отпустить Плещеева, снабдивъ его тѣмъ не менѣе отвѣтными грамотами, удостовѣряющими успѣшность русскихъ стараній къ достиженію цѣли, служившей главнымъ предметомъ перваго московскаго посольства. Султанъ увѣряетъ въ своихъ грамотахъ, что имъ приняты мѣры противъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій и несправедливостей относительно гостей московскаго великаго князя и повторяетъ просьбу отпускать попрежнему русскихъ купцовъ въ Кафу, заканчивая такъ: «о чемъ каково дѣло будетъ, съ любовью, что ти на мысль придетъ, безъ вазрѣнія ко мнѣ написавъ, пришли, то предъ тобою готово. Тебѣ великій поклонъ и кто тебя любитъ и меня любитъ и тому великій поклонъ».

¹⁾ «Начало сношеній Россіи съ Турціей», Неклюдова, 13.

Только стороною, въ письмѣ къ Менгли-Гирею, Баязидъ жаловался на надменность Плещеева.

Изъ исторіи не видно, возлагалось ли затѣмъ на Плещеева исполненіе какихъ-либо дипломатическихъ порученій—извѣстно лишь, что онъ посвятилъ себя военной службѣ: въ походахъ Василія Іоанновича 1513 и 1522 годовъ онъ упоминается въ числѣ воеводъ. Впослѣдствіи Плещеевъ подвергся опалѣ изъ-за противодѣйствія, оказаннаго имъ при разводѣ Василія съ Соломонидой Сабуровой, браку царя съ Еленой Глинской. Въ 1532 г., по случаю рожденія у Елены сына, опала была снята съ Плещеева, при чемъ съ него была взята запись не приставать впредь къ лиходѣямъ великаго князя и Елены.

Какъ бы то ни было, со времени перваго московскаго посольства, царскіе послы пріобрѣли себѣ въ Константинополѣ исключительно почетное положеніе: они заручились правомъ не становиться предъ султаномъ на колѣни, не цѣловать пола и говорить «рѣчи» султану, а не великому визирю или другимъ пашамъ. Султаны продолжали принимать съ благосклонностью и послѣдующія московскія посольства, не смотря на то, что наши послы продолжали относиться съ щепетильностью къ соблюденію даже мелочей этикета, которыя на Востокѣ, впрочемъ, и доннынѣ имѣютъ столь большое значеніе. Никогда не подвергались они оскорбительному обращенію, не бывали биты и выгоняемы въ толчки изъ залы Дивана, что сплошь и рядомъ выпадало на долю представителей западно-европейскихъ державъ, въ то время гораздо болѣе могущественныхъ, чѣмъ Россія ¹⁾).

Конечно, начиная съ XVIII вѣка, русскихъ представителей при объявленіи войны Россіи засаживали въ Семибашенный замокъ, согласно обычаю, соблюдавшемуся въ подобныхъ случаяхъ по отношенію ко всѣмъ вообще представителямъ иностранныхъ державъ. Но мѣра эта, какъ мнѣ кажется, имѣла характеръ не карательный, а скорѣе характеръ военной предосторожности, вытекавшей изъ опасенія Порты какъ бы отпущенный по случаю начавшейся войны въ свое отечество иностранный дипломатъ не передалъ своему правительству о военныхъ распоряженіяхъ Оттоманской Порты, принятыхъ ею въ послѣднюю предъ разрывомъ минуту.

Вторымъ московскимъ посломъ къ Баязиду былъ Алексѣй Яковлевичъ Голохвастовъ. Онъ былъ посланъ въ 1499 году къ султану для исходатайствованія московскимъ торговымъ людямъ разныхъ выгодъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Отправился онъ изъ Москвы въ мартѣ мѣсяцѣ, а съ нимъ много купцовъ, въ Азовъ рѣкою Дономъ, а возвратился 6-го февраля 1500 г. съ отвѣтными

¹⁾ Подробнѣе въ моемъ очеркѣ «Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ».

грамотами Баязида и сына его Шахзадэ, владѣтеля Крыма. Въ сентябрѣ 1501 г. ему снова пришлось ѣхать посломъ въ Крымъ къ Шахзадэ съ требованіемъ, чтобы азовскіе татары, убившіе посланнаго отъ великаго князя въ Константинополь и Кафу Андрея Кутузова, были наказаны.

Любимецъ архіепископа Геннадія, свергнутаго съ святительскаго престола въ 1505 г., дьякъ Михаилъ Ивановичъ Алексѣевъ (Гостенковъ) былъ отправленъ великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ 15-го декабря 1512 г. посломъ въ Константинополь къ Селиму съ поздравленіемъ по случаю восшествія султана на престолъ и былъ принятъ весьма благосклонно. Выѣхавъ изъ Царьграда уже въ сопровожденіи султанова посла, онъ прибылъ съ нимъ въ маѣ 1514 г. въ Москву, гдѣ этого перваго еще турецкаго посла Камала, князя мангупскаго приняли съ величайшею пышностью.

Взаимныя отношенія между Россією и Турціей въ началѣ XVI вѣка были настолько дружественны, что возникла мысль о заключеніи между двумя державами оборонительнаго и наступательнаго союза, для чего въ 1515 г. въ Царьградъ былъ посланъ сначала Коробовъ, а затѣмъ, въ 1519 г., Борисъ Голохвастовъ.

Ближній дворянинъ великаго князя Василя Іоанновича, Василий Андреевичъ Коробовъ, былъ отправленъ 15-го марта 1515 г. съ возвращавшимся въ Константинополь турецкимъ посломъ. Василий писалъ съ Коробовымъ въ отвѣтной грамотѣ къ Селиму I о вѣроломствѣ Крымскаго хана Менгли-Гирея и просилъ, чтобы султанъ запретилъ хану дружить съ Литвою. Въ то же время Коробову было поручено стараться о заключеніи союза между Россією и Турцією съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ, особенно противъ Литвы и Крыма, ежели Менгли-Гирей не отступится отъ Сигизмунда. Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: Селимъ писалъ къ Василию, что для переговоровъ о союзѣ пришлетъ въ Москву новаго посла, но, занятый персидскою войною, не сдержалъ слова. Коробову удалось, однако, заключить съ Портою торговый трактатъ о свободной торговлѣ русскимъ купцамъ въ Азовѣ и Кафѣ. Въ Москву Коробовъ вернулся 19-го февраля 1516 года.

Борисъ Голохвастовъ посланъ былъ изъ Москвы въ мартѣ 1519 г. и благополучно вернулся 8-го января 1521 г. съ отвѣтомъ султана хотя и ласковымъ, но не подвинувшимъ впередъ вопроса о болѣе тѣсномъ союзѣ между Россіей и Турціей.

Съ начала же XVI вѣка идутъ попытки установить прямыя сношенія съ подвластными султану православными христіанами, задача эта была возложена на стольника Ѳедора Григорьевича Адашева, отца знаменитаго впоследствии любимца Грознаго — Алексѣя Адашева. Въ первый разъ Ѳедоръ Адашевъ ѣздилъ посломъ въ Константинополь въ 1534 г. для возвѣщенія о кончинѣ великаго

князя Василя и о воцареніи трехлѣтняго Іоанна. Вторично же онъ былъ отправленъ туда въ 1539 г. уже для врученія дружественныхъ грамотъ султану и патриарху, какъ представителю мѣстныхъ православныхъ.

Дружественныя отношенія между Россіею и Турціею нѣсколько омрачились, когда Россія завоевала себѣ два мусульманскихъ царства—Казанское въ 1552 г. и Астраханское въ 1554 г. Считая себя повелителемъ всѣхъ правовѣрныхъ и сюзереномъ правителей обоихъ этихъ царствъ, султанъ не могъ отнестись равнодушно къ покоренію русскими областей, населенныхъ татарами-мусульманами и, получивъ жалобы отъ астраханцевъ, что государь московскій, «побравъ юрты басурманскія, взялъ Казань да Астрахань, раззоривъ басурманство», Селимъ II сдѣлалъ попытку придти на помощь своимъ единовѣрцамъ. Семнадцатитысячное турецкое войско направилось въ 1569 г. изъ Кафы въ Астрахань, но понесло отъ лишеній всякаго рода столько потерь, что, подойдя къ Астрахани и получивъ извѣстіе (оказавшееся ложнымъ), что какъ въ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ стоитъ многочисленное московское войско, оно поспѣшило отступить и ни съ чѣмъ вернулось въ Кафу.

Дабы совершенно успокоить турокъ и возобновить прежнія дружественныя отношенія посланъ былъ къ султану въ 1569 же году Иванъ Новосильцевъ съ увѣреніемъ, что ни въ Казани, ни въ Астрахани магометанскимъ купцамъ не будетъ дѣлаемо никакихъ притѣсненій.

Вслѣдъ за нимъ въ мартѣ 1571 г. посланъ былъ въ Константинополь Андрей Ищенинъ-Кузьминскій съ объявленіемъ, что царь Іоаннъ Васильевичъ соглашается уничтожить крѣпость въ Кабардѣ и даетъ свободный пропускъ торговымъ людямъ изъ Астрахани въ Турцію. Изъ своего посольства Ищенинъ возвратился въ декабрѣ 1572 г.

Въ царствованіе Феодора Іоанновича, Григорій Аванасьевичъ Нащокинъ былъ отправленъ, чрезъ Кафу, въ Константинополь требовать, чтобы султанъ Мурадъ запретилъ хану крымскому, азовцамъ и бѣлогородцамъ (т. е. жителямъ Акъ-Кермана) «воевать Россію изъ признательности къ дружеству ея». Визирь отвѣтилъ, что султанъ тогда повѣритъ дружбѣ царя, когда онъ согласится отдать султану Астрахань и Казань и что султанъ не повелитъ хану тревожить Россію, «буде царь сведетъ съ Дону казаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя ими на берегахъ этой рѣки и Терека». Въ противномъ случаѣ «онъ не только велитъ хану и ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и самъ пойдетъ на Москву». На это Нащокинъ возразилъ, что Астрахань и Казань нераздѣльны съ Москвою, что же до казаковъ, то царь велитъ выгнать ихъ изъ окрестностей Дона, гдѣ нѣтъ никакихъ русскихъ крѣпостей. Онъ предложилъ визирю войти по этому

вопросу въ переговоры съ царемъ чрезъ султанскаго посла. Визирь сперва на то не соглашался, но потомъ, однако, рѣшился отправить въ Москву Чауша Резвана съ требованіями, объявленными Нащокину, а царь, въ свою очередь, съ отвѣтомъ и дарами послалъ въ 1594 г. Данила Ивановича Исленьева въ Константинополь, гдѣ онъ былъ задержанъ до 1597 г. Слѣдомъ посольства Нащокина были весьма любопытныя донесенія его о тогдашнемъ состояніи Оттоманской имперіи.

Въ виду важнаго значенія, пріобрѣтеннаго для Россіи, въ особенности начиная съ смутнаго времени, Польшей, Россія старалась привлечь для дѣйствій противъ нея Порту. Первые русскіе послы, явившіеся въ Константинополь для переговоровъ по дѣламъ польскимъ въ 1622 г. прибыли въ неудачную пору: турецкіе савонники прямо объявили имъ, что «теперь не до нихъ, возстали-де янычары и убили султана (Османа II)». Однимъ изъ этихъ пословъ былъ бояринъ Иванъ Гавриловичъ Кондыревъ, который въ 1615 г. былъ посланъ ко двору французскаго короля Людовика XIII возвѣстить о вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова и предложить руку царя одной изъ французскихъ принцессъ.

Въ 1634 г. Василій Андреевичъ Коробкинъ былъ посланъ въ Константинополь уже прямо съ предложеніемъ союза противъ Польши, но Порта имѣла тогда свои причины быть недовольною Россією.

Новыя несогласія съ Турцією произошли изъ-за казаковъ въ концѣ XVI столѣтія ставшихъ на югѣ передовымъ военнымъ постомъ русскаго царства и нападавшихъ на владѣнія султанскаго данника—крымскаго хана, и на турецкихъ торговыхъ людей. Много нужно было искусства московскому правительству, чтобы въ теченіе всего XVII вѣка съ успѣхомъ выходить изъ затруднительнаго положенія между покровительствомъ казакамъ и рѣзкими упреками Порты на московское потворство имъ. Предъ Портою оно отрекалось отъ всякой солидарности съ казаками, обзывая ихъ самыми послѣдними словами. Съ самими же казаками оно поддерживало дружественныя сношенія и посылало имъ жалованье, деньги, сукна, вино и другіе запасы. Когда же въ 1637 г. казаки захватили Азовъ и успѣшно отбили двадцать четыре приступа двухъ-сотъ-сорока-тысячнаго турецкаго войска, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ имъ въ 1641 г.: «мы васъ за эту вашу службу, радѣнье, промыселъ и крѣпкостоятельство милостивно похваляемъ... и вы бы атаманы и казаки службу свою, дородство, храбрость и крѣпкостоятельство къ намъ совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную, православную христіанскую вѣру и за насъ великаго государя стояли по прежнему крѣпко и неподвижно и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны».

Для окончательнаго рѣшенія вопроса, какъ поступить относительно Азова, принять ли его отъ казаковъ, или отступить, созвана была въ 1642 году великая земская дума, на которой русская земля заявила о своемъ истощеніи и неготовности къ борьбѣ и что принятіе Азова вовлечетъ Россію въ опасную для нея войну съ Турціею. Въ виду такого заявленія царь Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшилъ не принимать Азова и въ 1643 году послалъ въ Константинополь уполномоченныхъ стольника Илью Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтя Лазаревскаго, которые, кромѣ увѣренія султана въ дружбѣ къ нему царя русскаго, должны были объявить, что царь заставилъ казаковъ сдать Азовъ и «что впередъ за нихъ стоять и помогать государь не будетъ и ссоры изъ-за нихъ никакой не хочетъ». Впослѣдствіи этотъ Милославскій, дворянинъ незнатнаго происхожденія, выведенный въ люди дядею своимъ, дьякомъ Грамотинымъ, игралъ видную роль въ Москвѣ. Въ 1648 г. на его дочери женился царь Алексѣй Михайловичъ и Милославскій воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы нажитья до того, что своими поступками возбудилъ противъ себя даже народъ.

Въ открытую войну съ Турціею Россія вовлечена была изъ-за перехода гетмана Дорошенка со всѣмъ Запорожьемъ въ русское подданство. Послѣ чигиринскихъ походовъ 1677 и 1678 годовъ, во время которыхъ Россія тщетно ожидала отъ Польши обѣщанной помощи, царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Царьградъ въ 1681 г. одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ— дьяка Прокофія Богдановича Возницына, заключившаго миръ и успѣвшаго принудить султана отказаться отъ своихъ притязаній на Украйну.

Черезъ пять лѣтъ произошелъ новый разрывъ съ Портою, благодаря участію принятому Россіею въ священномъ союзѣ направленномъ противъ Турціи и составленномъ изъ Венеціи, Австріи, Польши и Россіи. Этой послѣдней предлежало дѣйствовать противъ крымскихъ татаръ и съ тѣмъ вмѣстѣ отвлекать ихъ отъ нападенія на польскія владѣнія.

Дѣйствія русскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ знаменитаго любимца царевны Софіи, князя Василя Голицына, были неудачны. Лишь съ того времени, какъ Петръ сталъ единолично править государствомъ, событія приняли другой оборотъ, — въ 1696 г. русскіе взяли Азовъ, Шереметевъ одержалъ побѣды въ низовьяхъ Днѣпра.

Пораженія понесенныя турками въ борьбѣ съ Австріею и Венеціею, паденіе Азова, броженіе въ Молдавіи и Валахіи и тяжелое внутреннее положеніе заставили Порту склониться на тягостный для нея миръ. Въ 1698 г. въ Карловицахъ съѣхались уполномоченные воевавшихъ державъ, а также и Англіи, Голландіи и Франціи. Русскимъ представителемъ на этомъ конгрессѣ былъ Проко-

фій Возницынъ, который послѣ своего константинопольскаго посольства участвовалъ въ посольствѣ Петра къ европейскимъ дворамъ, вмѣстѣ съ Лефортомъ и Головинымъ, въ 1698 г. велъ въ Вѣнѣ переговоры о мирѣ съ Оттоманскою Портою и былъ посланъ оттуда въ Карловицы. Подъ конецъ жизни, вслѣдствіе происковъ противъ него при дворѣ, онъ потерялъ прежнее значеніе и умеръ въ безъизвѣстности.

Карловицкій конгрессъ, между прочимъ, любопытенъ тѣмъ, что не только нейтральныя державы стараются ослабить результаты военныхъ успѣховъ священнаго союза, но и сами союзники проявляютъ опасеніе какъ бы тотъ или другой изъ нихъ не слишкомъ воспользовался на счетъ Турціи плодами побѣдъ своихъ.

Несмотря на протестъ Возницына, требовавшаго чтобы союзники предварительно сговорились между собою относительно тѣхъ условій, которыя каждый изъ нихъ поставитъ Портѣ, австрійскій дворъ заявилъ, что на конгрессѣ «каждый будетъ наблюдать свои выгоды и станетъ требовать по своему желанію, цесарю же и знать неуютно, кто чего себѣ желаетъ». Австрія, не заботясь о союзникахъ, успѣшила заключить съ Турціею отдѣльный миръ; пользуясь этимъ обстоятельствомъ турки получили возможность торговаться относительно Польши, Венеціи и Россіи. Результатомъ того было, что Возницынъ уѣхалъ съ конгресса, успѣвъ заключить лишь перемиріе на два года. Донося Петру о неудачномъ исходѣ переговоровъ, Возницынъ жалуется на себялюбіе союзниковъ, которые «всѣ себя удовольствовались, а русскаго царя оставили».

Петръ Великій назначилъ въ Константинополь для окончательныхъ переговоровъ чрезвычайнымъ посланникомъ думнаго дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, одного изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей XVII вѣка. Уже въ 1681 г., будучи думнымъ дьякомъ, онъ участвовалъ въ составленіи акта объ отмѣнѣ мѣстничества. Любимецъ князя В. В. Голицына, Украинцевъ, во время Софіи, управлялъ самовластно всеми дѣлами посольскаго приказа, ѣздилъ въ Швецію, Данію и Голландію съ дипломатическими порученіями; такія же порученія исполнялъ онъ въ Малороссіи и въ Варшавѣ. Правда, послѣдніе годы его служебной дѣятельности были гораздо менѣе блестящи. По возвращеніи изъ Константинополя, Украинцевъ, сдѣланный уже думнымъ совѣтникомъ, былъ назначенъ управляющимъ провіантскимъ приказомъ, но за страшныя ваятки и злоупотребленія былъ въ 1704 г. битъ дубьемъ, лишился своего мѣста и ему было велѣно на свой счетъ сдѣлать на Преображенскій и Семеновскій полки епанчи и 1,400 шляпъ. Тѣмъ не менѣе какъ человѣкъ полезный и знающій дипломатическую часть, Украинцевъ употреблялся для переговоровъ и умеръ въ 1708 г. въ Загребѣ.

Уловія, на которыхъ Украинцевъ долженъ былъ договариваться съ Портою, были тѣ же, что и поставленныя Возницынымъ въ Карловицахъ: Россія удерживаетъ за собою всѣ свои завоеванія, слѣдовательно и Азовъ, и въ вознагражденіе за убытки отъ набѣговъ турокъ получаетъ Керчь, — но, въ дополненіе къ наказу, Украинцеву велѣно было домогаться учрежденія торговли между Россією и Турцією посредствомъ Чернаго моря.

Для подкрѣпленія своихъ требованій, Петръ отправилъ Украинцева не сухопутьемъ, а на военномъ 46-ти пушечномъ кораблѣ «Крѣпость», приказавъ ему, по прибытіи въ Константинополь, бросить якорь противъ Серая, съ пушечною пальбою.

Появленіе въ сентябрѣ 1699 года въ Босфорѣ перваго военного русскаго корабля произвело сильное впечатлѣніе, непріятно поразило не столь самихъ турокъ, какъ бывшихъ въ Константинополѣ иностранныхъ пословъ, которые и постарались всячески затруднить переговоры Украинцева съ Портою. Особенно враждебно относились къ русскому посланнику послы англійскій и голландскій. «Отъ пословъ», жалуется Украинцевъ, «отъ цесарскаго, венеціанскаго, англійскаго и голландскаго не видимъ мы никакой себѣ помощи, всѣ они лицемѣры и навѣтники». Приходилось уступать одно требованіе за другимъ. Если сами турки не могли выдумать возраженія противъ того или другаго требованія, то представители западно-европейскихъ державъ научали турокъ какъ говорить.

Наконецъ, 3-го іюля 1700 г. уполномоченные Россіи и Турціи подписали трактатъ, по которому крымская дань уничтожается, Азовъ остается за Россіей, — въ Константинополѣ дозволяется Россіи имѣть постоянного посланника, которому предоставлены будутъ всѣ права и преимущества дарованныя посланникамъ прочихъ европейскихъ державъ. Что же касается до торговаго судоходства по Черному морю, то переговоры о немъ рѣшено было оставить до пріѣзда «торжественнаго» посла, который прибудетъ въ Константинополь съ ратификаціями вновь заключеннаго трактата.

Такимъ посломъ былъ назначенъ бывший предъ измѣною Мазепы губернаторомъ Кіева, ближній стольникъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, будущій дѣйствительный тайный совѣтникъ, глава партіи Голицыныхъ и Долгорукихъ, возведшей, послѣ смерти Петра II, на престолъ Анну Іоановну; дорого заплатилъ онъ впоследствии за ограничительныя условія предъявленныя имъ императрицѣ: Биронъ засадилъ князя Голицына въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ въ 1738 году.

Переговоры князя Голицына съ Портою не увѣнчались успѣхомъ и попрежнему, Черное море и проливы остались закрыты для русскаго торговаго судоходства¹⁾. Реисъ-эфенди (турецкій ми-

¹⁾ «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ», Уляницкаго, 84.